

евгений алёхин
ядерная
весна

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Книжная полка Вадима Левенталя

Евгений Алехин

Ядерная весна (сборник)

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Алехин Е.

Ядерная весна (сборник) / Е. Алехин — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-906827-61-6

Проза Евгения Алехина заставляет нас думать о себе в другом свете. Мы все – трудные подростки, щенки из коробки, стоящей у метро... Но мы всегда узнаем друг друга по почерку и интонации. В том числе в пространстве литературы.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-61-6

© Алехин Е., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Толерантность	6
Безалкогольный дневник	10
2 сентября. Первые часы без алкоголя	10
3 сентября. День 1	11
5 сентября. День 3	13
6 сентября. День 4	14
7 сентября. День 5	15
9 сентября. День 7	16
10 сентября. День 8	17
12 сентября. День 10	18
13 сентября. День 11	19
18 и 19 сентября. Дни 16 и 17	20
22 сентября. День 20	21
Вчера было 23 сентября. Сначала это был 21-й день без алкоголя	22
28 сентября. День 1	23
29 сентября. День 2	24
30 сентября. День 3	26
1 и 2 октября. Дни 4 и 5	27
7 октября. День 10	29
Добровольцев нет	30
Рай открыт для всех	36
Лес	40
Четыре месяца разницы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Алёхин

Ядерная весна

© Е. Алёхин, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© П. Лосев, оформление, 2019

Толерантность

Моя реп-кухня зародилась так. Мачеха сказала: «Я смотрела интервью. И там сказали, что рэпер – это только тот, кто пишет рэп, слушать его недостаточно». К тому времени мной были написаны только пара сказок и стишат, надо было спасать ситуацию, надо было дебютировать. Поэтому мне пришлось написать дисс на своих одноклассников. Это были два высоких брата-близнеца, любители металла. Я всем вру, что это было двадцать лет назад, на самом деле прошло еще только девятнадцать лет. То есть я был не двенадцатилетним самородком, а тринадцатилетним с ломающимся голосом и лоснящимся лицом – семечком дяденьки. Куколкой вонючего мужика, уже пора было проявлять талант. Короче, я написал на них дисс, где предложил им искупаться в ванне спермы. (Опять я вру, тогда не знал, что так можно писать, поэтому я это просто сказал им прозой уже после первого своего короткого выступления.) После чего один из них переобал мне так, что я подлетел и упал на школьный бетонный пол.

– Я победил, – сказал я, ухмыляясь и неуклюже пытаюсь встать, отталкиваясь руками от холодной поверхности. Как сейчас помню блеск своих слюней, недоумение и странное чувство торжества. Действительно я был рад, что мое выступление вызвало такую реакцию.

Мне очень редко покупали новые шмотки, но тогда на мне были они, несмотря на девяносто восьмой. Джинсы-бананы «кардинал» и клетчатая толстовка с капюшоном (тогда еще не говорили «кенгуруха») «зе норс фэйс», дешевые и купленные на китайском рынке напротив кинотеатра «Юбилейный». Именно так и должен был выглядеть репер в моем представлении. Моя первая победа, выбор призвания.

* * *

Что такое победа, я узнал за три года до этого, в десять неполных лет. В моей личной истории какой-то сбой. Я не знаю, то ли жесткий диск с моей памятью уронили, то ли что еще. Но у меня вот до пятидесятилетия победы ничего этого не существует, я ничего не помню по этой теме. Но я всегда плохо понимал историю как предмет, до сих пор не верю в нее, это же сплошной пиздеж. Я свой прошлый год могу рассказать кучей разных способов, какие могут быть учебники по истории, как это? Короче, мне нет и десяти, идет девяносто пятый, и тут появляется новая линия в моей жизни, в которую я должен вникать. По телевизору показывают военные фильмы, они идут целыми днями. Я так охуел, что в итоге начал уже задним числом сочинять свое прошлое, чтобы как-то понятие войны не изувечило зачатки моей личности. Придумал себе ложное воспоминание или вспомнил правду, что почти одно и то же. Сижу я, пятилетний карапуз, вижу Сталина, который машет мне рукой, и думаю: «Отец Ленина», – а Ленин, думал я – наш действующий президент. Все ведь говорили: «Ленин жив». И вот, в этот день я узнал, что такое победа. Победа, ребята, – это, конечно, пиздец. Я сам запутался, мне иногда сложно работать в одном хронотопе, потому что мне сейчас одновременно тридцать два, десять и пять, и вот я сижу и пишу этот текст, пытаюсь усреднить язык разных пацанов, каждый из которых есть «я».

Концентрат абзаца такой: «Победа – это пиздец».

* * *

Это слово всегда притягивает к себе, напоминая нам, что умереть будет не так просто, что к этому моменту надо себя духовно подготовить. «Пиздец» просто так не прочитаешь и тем более не произнесешь, мне лично сразу хочется выбрать звонок другу. Бородатый малыш

Михаил Енотов обычно помогает в таких ситуациях, он в нашей семье отвечает за библейские вопросы. Знаете, всем детям не обязательно все знать, проще, когда каждый ребенок только в одном вопросе разбирается, так вам их будет легче контролировать. Вот и я за пределы своей кухни не выхожу, я занимаюсь текстами, менеджментом, организацией концертов. А когда нужно – набираю друга.

* * *

Так о том я и говорю. Пока личность есть, тобой можно управлять. Поэтому все великие умеют на время отказаться от личности, сойти с ума. Тебя уже в угол загнали, а ты переходишь на другую радиоволну, и они просто вокруг твоего туловища гуляют да попинывают. Потом повестка сменилась, перестал быть неудобным, все вспомнили, что ты пассажир неопасный, просто сильно любопытный до не тех вещей. А в каких-то ситуациях даже нужный, как подтверждение народной мудрости о том, что все умные говно жрут. Но ладно, пусть работает совестью, – так они, по-моему, говорят в этих случаях. Короче, моя оценка человеческой личности такая: только серая масса личность имеет. О таких вещах даже иным тоном, кроме как тоном юродивого, не скажешь. Стилистически никакого труда особо, зато нужный антураж появляется. Слово там поменял, там сынтонировал. Потому что когда мы открываем дверь «Михаил Енотов», тут сразу и Достоевский на подходе.

* * *

Единственный завод, на котором мне доводилось работать, производил газводу. Моим непосредственным начальством были кладовщики, один из них даже книги читал. Может, тогда я и подумал, что как в настоящем мире, в мире пота, работы и крови, встречаются интеллигенты, так и в мире интеллигентов может быть настоящий живой человек, любопытный ребенок в теле взрослого.

Сейчас вот у меня был тур, я там в унитаз окунулся и неделю назад вынырнул на детокс-диету. Встал сегодня, выпил воды, через десять минут тыквенный сок (с небольшим добавлением сока брокколи), сел за компьютер, вхуярил два смм-поста. Потом залил соевым молоком мюсли, позавтракал. Хуяк, на четыре часа за комп. Бытовой райдер написал, реп-планы на несколько месяцев вперед рассчитал, письмо в типографию написал – как там тираж «Медеи»? С завода газводы я таких писем не писал. Вот уже и пообедать можно. Пошел в кафе «Буфет», по брусчатке, там постный борщ без сметаны, картошку тушеную, салат витаминный. Вернулся домой.

Все, интернет выключаю, никакой менеджерской работы, стихи писать буду. Это разве жизнь пролетария? Ну да, стихи, конечно, они как бы такая работенка тоже опасная. Ведь ты весь мир иллюзорный, фотообои эти, сдвигаешь в сторону, и тут уж как в том фильме, про который Жижек рассказывал. Как же он назывался? Надеваешь очки – читаешь подтекст. Не, ну я, понятно, до Жижека его видел, а потом решил пересмотреть, фильм, конечно, редкостное говно, но идея хорошая. Короче, стихи писать – работа не самая простая, это как ходить в этих очках, и мир просто трахает тебя подтекстом, прямиком, без смазки. Да уж, тут два часа как двенадцать часов на стройке, поверьте мне. Я и там и там работал. Но стихи – это жизнь, это и не совсем работа, и бросить их нельзя, вот в чем фокус. Ну и вот, значит, снимаешь эти суперочки, отдышался, надеваешь розовые очки, ну его нахуй, этот стих, завтра допишу... Тут же свеклу, морковь, брокколи в соковыжималку трясущимися руками запихиваешь, не-не, сейчас попою, здоровье поправлю, что это за бред я начал писать? Ха-ха-ха, увлекся я этими стихами, решил, что райский уголок, который я тут выстроил в маленьком городке Западной

Украины, где сижу при ласковой бабе, чуткой, и умной, и вообще лучшей, сижу на детокс-коктей-лях – говно и выдумка, а моя жизнь – это моя борьба с метафизическими чудовищами. Кря, ох уж я, вот глупыш, возомнил себя поэтом.

Но очкам розовым уже не сидится на длинном любопытном носу. Пара глотков фреша – и все, пламени не видно, крики стихают. Еще курнул, и чистые куражи. Садись за свои неуклюжие стенд-апы. Но стишата растут внутри, рвутся наружу, не удержать их долго.

* * *

Гречка (она же греча, что еще нежнее, как если говоришь о еде, так и о хмуром) с шампиками есть то, от чего бы я сейчас не отказался.

* * *

Я считаю, что выбор – это обман. Нельзя от чего-то отказаться в пользу чего-то другого. Как сказал великий Александр Иванов, мы выбираем только майонез. Но я бы вот что еще дописал и прошу вас на моем могильном камне выгравировать следующее:

«Выбор – это обман. Отказ – это сон».

* * *

Вот не могу, кстати, понять, да. То есть секс ради денег я еще как-то готов понять, работа не хуже другой. Но вот ради удовольствия – это мне уже непостижимо. Сидишь планируешь еблю как отпуск. Ну ладно, неужели такое может сработать? Один раз я ходил в бордель. Какое там удовольствие, так рассказ получился, напишу его как-нибудь, но ведь за удовольствием туда же нет смысла идти! Совокупляюсь я ради облегчения, а не ради удовольствия. Наверное, я все-таки антигедонист. Я вообще ничего никогда не делал ради удовольствия. Я просто иногда выходил подышать воздухом, тут мозги отключались, и вот ты уже эякулируешь фонтаном на деву, на ее чудное лицо, грудь и волосы, и какую-то долю секунд нет мыслей в голове. Как же охуенно, думаешь ты, вот это удовольствие, реально, охуеннее, чем в аквапарке. Но это бонус, а никак не цель игры. Если удовольствие – твоя цель, ты, как мне кажется, гнида и сатанист.

* * *

В последнее время цвета мои все темнее, одеваюсь в черное. Хочется даже специально спрятаться туда, где нет света, но все-таки желательно, чтобы оттуда было видно его хоть чуть-чуть. Поэтому в этом сезоне призываю выглядеть как пугало, либо же быть одетыми в черное. Но всегда имейте какую-то белую деталь. Чтобы невзначай неуклюжий, казалось бы, жест ослепил надеждой, задернув черный плащ, под которым покажется краешек вашего белого поло, – оно озадачит, а может, и обрадует. И кто не понял, тот поймет.

* * *

Вот выглянул в окно и немного освежился. А то уже начало казаться, что знаю все обо всем. Надо выглянуть иногда из комнаты, пройтись, встретить незнакомца. Ну или хотя бы разглядеть в соседнем окне. Я, например, ем рукколу сейчас, чтобы не провалиться в мир собственного бредового текста, остаться на поверхности. Я держу самого себя на ниточке, и надо иногда все же убеждаться, что опора еще есть под ногами. Это руккола и братва моя. Доброй

дороги тебе, великодушнейший читатель, дошедший до этого места. До точки «продолжение следует».

Безалкогольный дневник

2 сентября. Первые часы без алкоголя

Благодаря сериалу «Луи» немного легче проходит отходняк. Вот что самое жуткое – невозможность организовать быт. Легко можно смотреть кино, читать, даже делать какую-то не очень нервную и не очень тяжелую работу (хотя, помню, я как-то работал бензопилой в один из отходняков, и ничего, управился, плотно пообедал, попил, это даже было легче, чем просто сидеть дома и пытаться себя вылечить подручными средствами). Но вот тяжело расправить постель. Решить, надевать ли носки. Я вторую ночь не застилаю постель, сплю на голом матрасе. Если я осилю это, все будет норм. Еще проблема – добиться нужной температуры воздуха. Решить, нужно ли открывать форточку, накрываться ли одеялом или лежать просто под простыней. Спать ли в одежде или раздеться. Одновременно холодно и жарко, и еще можно не разобраться, что готовить, и остаться голодным. А голодный отходишь гораздо тяжелее, жрать надо много, потому что организм пытается выгнать всю заразу, обмен веществ разогнан на максимум, при общей слабости и головокружении испытываешь какие-то сумасшедшие эрекции. Необходимо по 3–7 эякуляций на один день отходняка, чтобы не мучиться от постоянного стояка. Понимаешь: надо приготовить поесть, иначе просто в картонку превратишься, но нервы как струны. Достоешь кабачок и смотришь на него. Хуле тебе надо, дядя, говорит кабачок. Ты что, Василий Шукшин? Любишь русскую тоску, так давай расхлебывай. Топишь города в разгуле и развроте, ну вот тебе, жопа с ручкой! Прости, кабачок. Я не буду тебя есть. Или буду его есть? И че мне с ним делать? Картошка? И че? В пароварку засунуть или на сковороду резать? Начинаешь резать ее, нет, это невыносимо, зачем мне эта картошка. Откладываешь, возвращаешься к попытке заправить постель. Потом начинаешь проводить рукой в каких-то местах, нюхать, недоумевать, чесаться. И не понимаешь: был ли уже в душе в последние пару часов или пора опять сходить? Но самое мучение желание спать, которое невозможно удовлетворить. Стоит лечь, ничего не получится. Каждый шорох причиняет тревогу и страх, путь, который еще придется пройти через жизнь, шокирует. Застонешь, укусишь наволочку, чтобы не будить соседа, приготовишься беззвучно плакать, но тут же забудешь, что собирался плакать. Спихватишься, включишь новую серию или рассказ новый «отца» Марата. «Луи» спасает, хороший и добрый сериал, посмотрел сейчас третий сезон. Особенно понравились серии про внутреннее устройство шоу-бизнеса. Последние серии третьего сезона как повесть в сборнике. Очень похож на хорошую прозу его метод. Все лучше и лучше.

Ладно. Это всего одна из ночей, потом будет еще одна, а потом я буду почти здоров. Я смогу обучиться каким-то вещам. Что-то писать, ходить, думать, спать. Главное, спать. Это самое полезное умение. Привет.

3 сентября. День 1

Снится, что снимаюсь в сериале, и там ставится комическая сцена, где нужно плавать с крокодилом. Меня на надувной лодке спускают в бассейн, малюсенький бассейн, два на два метра, и хоть я знаю, что этот крокодил добрый и он хорошо знает текст (крокодил читал сценарий! все окей, это лучший актер из крокодилов), все же мне страшно. Я чувствую спиной, как моя резиновая лодка опускается прямо ему на хребет. Даже самый воспитанный крокодил может обидеться. Но меня уже зовет реальность: разряд в сердце, и я просыпаюсь в своем холодном поту. Один из побочных эффектов: тебе холодно и жарко и ты барахтаешься в этой луже отравы: водка, пиво, вино, виски, хорошие напитки, которые мы потребляем, чтобы раскрепоститься, чтобы расслабиться после работы. Я знаю меру, говорим мы. Давай, выпей со мной после работы. Короче, вот я просыпаюсь, думаю, что же не так? Я плохо прописал сцену? Что-то с крокодилом не то, надо переписать этот сон, блять. Это не смешная комедия, должна же быть какая-то связь с реальностью? Я что, несся через пучину треша и угара ради того, чтобы придумать это? Но я уже в другом сне, мне снится, что я еще не вышел из запоя. Я не могу это смотреть, сердце пронзает жуткий страх. Опять быстро выбрасывает, одеяло невозможно на себя удобно уложить, кто их делает, эти одеяла? Для кого? Вот я человек среднего роста и худой, и для меня нет подходящего одеяла. Сука, в этой банке, в этой комнате заперли одного комара. Надо включить свет и достать его, но сил на это может не хватить, мне еще сегодня надо совершить одну поездку. Одну поездку, скорее всего, на метро. Какие комары, спи. Если я не вырублюсь на несколько часов, я проебу пробы на маленькую роль (моя последняя надежда!) в новой романтической комедии модного молодого режиссера и кровопийцы Романа Каримова. Звуки улицы проникают в дом, мелькают флешбэки, катай свои саночки, пидор, катай их, почему у меня разбит кулак? Я бил стену или человека? Когда я уже перейду к другим людям? Чтобы напрямую причинять насилие? Зачем делать это через свое тело? Это потому что солидарность. Надо постирать постельное белье, подумал я и начал день. Лучше бодрствовать, пока не усну. О нет, я забыл, как я всю ночь ходил мимо соседа? Моего соседа тоже зовут Алехин. Какой еще сосед Алехин? Ты что, ебнулся, дядя? Нет никаких соседей. Кто-нибудь отредактирует этот текст? Мой внутренний голос сбивается, путается во временах, я перехожу с настоящего на прошедшее. Ладно. Даже Сенчин так иногда делает. Мы с редактором Викторией решили не указывать Сенчину, в каком времени ему писать. Господи, вы летали «Победой»? Если бы меня не отправили «Победой». У меня там отобрали полторы тысячи личного моего гонорара за то, чтобы я сдал книги в багаж. Какой твой гонорар, за что? За то, что ты плакал в обнимку с девками в Омске? Бля, парень, да тебе там точно переплатили. Ты сколько треков-то отчитал, дядя? Но у меня всего восемь тысяч до конца месяца. А мне надо написать список правил. Не пить алкоголь, не пить алкоголь, не пить алкоголь, делать зарядку, заниматься языками, учиться, учиться. Но нахуя учиться дураку в тридцать лет? Нет, можно же уйти в запой. Есть такой эффект у запоя. Когда ты из него выходишь, организм черпает последние резервы. Ты не можешь связать двух слов, пес, донести до рта стакан воды не можешь, не можешь понять, как положить вещи в эту ебучую стиральную машину, зато вдруг вскакиваешь посреди тремора, садишься за стол и пишешь реп-текст. Ты истощен, ты вместо школы выбрал кабака, вместо любви саморазрушение, и теперь есть такая награда. Можно было бы месяц провестись за учебником. Взять интервью, побеседовать с самой умной феминисткой, до которой доберешься, чтобы написать хороший реп-текст-утопию о феминизме. Да в рот я ебал. Я уже написал два прошлых альбома полностью трезвым. И хуле? Разве это помогло монетизировать реп? Дядя. Список на каждый день. Если ты такая тряпка. Берешь ручку, бумагу, пишешь список, приклеиваешь на стену. Что сперва? Сдать Кирилла Рябова в типографию. Внести в верстку все финальные правки, сдать книгу. Дальше че? Доредактировать реп? Дальше че?

Решить с короткометражкой. Будешь ты ее снимать, пацан? Какая короткометражка. Мне бы воды стакан до рта донести. В этот день он смог сходить в магазин. Он достал белье из стиральной машинки. Помыл посуду. Решил, что по-новому понял Сэлинджера! О, победитель! Он думает, что не такой идиот, что может что-то понимать в литературе! Может быть, лет через десять! Один такой запой в год, и с этим парнем случится десять озарений! Я бегу к финишу! Матрас все еще не застелен, но у меня под рукой феназепам, о да, перелет через ленту. Десять похмельных озарений вместо сотни учебников и тысячи книг! Вместо иностранных языков и путешествий! Это будет война и мир! Малыш спит, одна рука под головой, другая в паху. Это будет и мир, и война! Десять таких лет! Но завтра его ждет потеря как следствие таблеточки. (Пока не будем рассказывать об этом Жуке, ладно, ребят?! – хитрое подмигивание – но он будет смотреть на мир через толстый слой киселя, его и без того вялые мысли будут валяться на лужайке головного мозга, как задыхающиеся рыбины.)

Занавес.

5 сентября. День 3

Ничего выдающегося не происходило. Кроме того, что ездил к Маргарите Захаровой монтировать клип с Антоном Секисовым (а с кем же еще?) в главной роли. Клип, который сняла Рита Филиппова.

И по дороге – хуяк – почувствовал дикую слабость. Начал чихать, кашлять. Ну да, простуда подобралась ведь. К тому же после безумного лета и пьяного начала осени никаких у тела сил не осталось. Но ничего, Маргарита предоставила мне малиновое варенье и уйму бумажных полотенец, я сморкался и тыкал пальцем, пока она знай себе монтировала Секси Секисова в рапиде. И у нас вроде бы получился странный клип и даже хороший. Счас осталось сделать цветкор и пару фишаков, и Антон Секисов станет еще чуть моднее, еще чуть читаемее среди любителей унылого репа. Потом еле добрался от Маргариты домой. Ну, я думаю, хуле валяться, надо делать полезные дела. Пора же думать о хлебе. Пусть о скромном, о корочках хлебных. Но надо. Переиздавать свои книги, например. На них есть спрос, они закончились, если я их переиздам (кроме КМ – это я открыл, и у меня уши покраснели), я получу немного денег и (если буду экономить и давать реп-концерты изредка) смогу дописать новую книгу, чуть лучше или такую же унылую о своей унылой жизни и унылой жизни некоторых моих друзей. Я знаю, бывает и неунылая жизнь, кто-то проживает веселую жизнь, но я об этом писать не люблю и не умею. Может, даже выдумаю пару унылых событий, со мной такое иногда случалось, хоба, и на пустом месте что-то выдумал. Что-нибудь да будет. Главное же, как это преподнести, ну похуй же, че рассказывать, главное – найти пару фишаков. Дело прошлое, короче, взялся я верстать, параллельно попивая терафлю. Вроде все нормально вышло. Сверстал «Ни океанов, ни морей» 120 на 180 в покетбук-формате. Но смотрю – шрифт не тот. То есть я всю дорогу был убежден, что использую PT Serif, а я его не использовал. Но это еще не все. Сверстал-то я книгу за пару часов, но потом не мог вспомнить, как верстать оглавление. Ну раньше я частенько забывал такие вещи: как верстать оглавление, как там сделать колонтитулы через маркеры разделов, чтобы не создавать лишние новые шаблоны. Но тут я совсем затупил. Мало того, что последние мозги пропил, так еще и простуда отупляет. Я стал открывать видеоуроки, но почему-то сраный ютуб ничего не показывает. Адоб плеер обновлял, он все равно ебланит. Читал какие-то сайты, наконец вспомнил. Я забыл про табуляторы, господь всемогущий. Табуляторы надо указывать отдельно, сначала поджариваешь оглавление через заголовки, а потом досыпаешь, типа как молотый перец, отточия через табуляторы. Такая система, но мне понадобился битый ебаный час, чтобы это понять.

Но день был хороший. Что-то происходит. Как-то привязываю себя на оборванные во время пьянки нити. Хотя поутру было желание не перемещаться никуда из постели. И тогда это был бы день, в который ничего не происходит, и это был бы другой день.

6 сентября. День 4

В первой половине дня ничего особенного не произошло. Болел, лечился, чихал, сморкался, кашлял чутка. Доверстал книгу.

В середине дня в гости пришел сам Антон «Секси» Секисов, покушали гречи, овощей и фасоли, поговорили о нашем будущем. Забились пойти в спортивную секцию и дописать по книге к концу осени. Я придумал рассказ с названием «Колыбель», накидал план. Писать-то пока голова не варит, но зацепки делаю. Пишу не шедевры, но моему папе и небольшому ряду людей иногда нравится.

Вышли на улицу, встретили Сынка, все вместе пошли на Даниловский рынок, там, не поверите, проходила книжная презентация. Я живу в десяти минутах пешком оттуда.

Среди овощей отыскал Кирилла Маевского, он показал, где наши столы. Разложились, побарыжили книгами «Ил-music».

Меня знобило, я сказал, что долго не задержусь. Потом Кирилл рассказывал о нашей издательской кухне, Котомин, Крюков, Фальковский, Сенчин тоже немного поговорили в микрофон, а я стоял в стороне, втыкал. Попробовал что-то вякнуть про Сенчина, почему, собственно, и как я его издал, но совсем уж сопли залили мозг. Отдал микрофон. Попрощался, с кем успел, ушел домой.

В клубе «Дич» сейчас как раз начинается афтерпати. Сыграет группа «Ленина пакет», а еще выступят какие-то кайфовые люди. Можно будет найти, ухватить за штатину даже Котомина и Куприянова, великих людей в нашем невеликом бизнесе.

Если бы не заболел я, мы с «макулатурой» выступили бы тоже.

Еще Александр Снегирев подарил мне свою последнюю, хорошую, книгу. «Вера». Вообще, пользуясь случаем, отправлю ему ответный поклон (он вчера мне щедро соснул на фейсбуке, и я с радостью сделаю ответочку) – пишет он все лучше и лучше, и отношения у нас все нежнее и нежнее, хотя он уже не тот «солнечный мальчик», как его называли в давнишней критической статье. А взрослый пацан со своей жизненной мудростью, сходу зрящий в корень и сущий на стереотипы.

Так прошел очередной хороший день без бухла. Кипяток как раз остыл до 80 градусов, лью его в чашку на лимон, варенье из шишек и пакетик шиповника. Хуярит дождь.

7 сентября. День 5

Хорошо выспаться пока не удастся. С утра лежал в постели, пытаюсь вспомнить дурные физические ощущения от недавнего отходняка, чтобы взбодриться.

Внутренний саморазрушитель предлагал побухать недельку, чтобы освежить память. Не поддался соблазну. Меж тем почти прошли сопли и кашель. Хотел сделать зарядку, но подумал, что лучше купить сигарет. После завтрака купил «Галуаз», скурил пару штук. Сельдерей Отец сказал, что они все-таки не тестируются на животных, а более достоверного источника у меня нет. Первую половину дня маялся. Разглядывал свои конечности. Потом посмотрел порнографию, действие которой разворачивалось под водой. Девушка вытаскивает трубку, минуту сосет член парня, а то и полторы, пока все пузыри не выдохнет, потом опять вставляет трубку в рот, дышит, отдыхает, потом опять за дело. Потом они приступили, собственно, к вагинальному сексу, даже чуть слышно было их мычание в этом булькающем глубоководном бассейне. Потом она снова вынула трубку. Парень кончил девушке в рот, она выплюнула, и все это походило на зиму в стеклянном шаре. Талантливая актриса. Мне пришлось искать другой способ коротать время. Установил себе программу-лупер DM1 по наводке Вовы Седых. Простая, говорит, программа, даже моя жена разобралась. Как бы то ни было, мне было непросто разобраться. Все же настукал примитивный трек. Потом, к счастью, пришло время ехать к Маргарите довести до ума клип на песню «счастье». Съездил. Монтировали, делали цветокоррекцию, я даже вник в процесс. Пили чай, разговаривали о работе, карьере, призвании. Я все высказал быстрее, чем даже допил чай. Послушали новые песни «макулатуры», подумали, каким может быть очередной клип. Закончили «счастье», я вернулся домой.

Нашел в себе мужество приготовить ужин. Съесть его не составило труда. Счас буду либо дочитывать биографию Сэлинджера, либо досматривать «Луи». Пока печатал, подумалось: какая хорошая жизнь, и как странно, что я ею всегда недоволен.

9 сентября. День 7

- хозяйка квартиры снова не брала трубку, не отвез ей квитанции;
- раз одно дело сорвалось, то плюнул и на остальные (маршрут-то был продуман): не поехал забирать веганские витамины у Сынка, не поехал забирать книги Сенчина в «Фаланстер», все дела перенес на завтра;
- голова квадратная весь день, потому что ночью маялся, уснуть не мог, делал афиши, читал и просто тупил, славная была ночь;
- ходил прогуляться, надо было взять фотоаппарат, это был лучший момент дня;
- а в целом побочный эффект с хорошим настроением закончился;
- кот устроил мне странное испытание: насрал в душевую кабину;
- вышел из дома за кротом для труб, но вышел без ключа и захлопнул дверь;
- провел час на улице в шортах и длинных носках;
- купил имбирь и киви;
- сейчас еще прочищу канализационные трубы, отмоюсь и сделаю чай из имбиря;
- завтра вечером с Сынком летим в Мурманск, мерзнуть, гулять по сопкам, смотреть достопримечательности, или уж не знаю, какую нам культурную программу подготовили Андрей Пизда и организатор Кирилл.

10 сентября. День 8

Приходится писать отчет раньше, потому что вот-вот уже поем и надо будет ехать в аэропорт.

Проснулся в хорошем расположении духа. Решился съездить в ИКЕА. Нужно было купить одеяло, пододеяльник и наволочку. Добирался полтора часа. Сперва зашел в «Ашан», купил там мисо-супы быстрого приготовления и пленку для заворачивания предметов. Есть вещи, которые пылятся, надо их поскорее завернуть в полиэтилен. У «Ашана» остановился сожрать картофельный чебурек. И где-то потерял пленку. Но я об этом даже не думал, пошел себе искать одеяло и прочее. Магазин ИКЕА быстро справился с моим хорошим настроением. Это сложный лабиринт, странно, как я раньше в нем ориентировался. Может быть, ИКЕА «Теплый стан» устроена иначе – сложнее, чем остальные магазины? Все проклял. Еле отыскал там то, что надо, потом рванул на выход. Зашел купить какое-то имбирное печенье по акции, тут меня и нагнал охранник: вы забыли столик на кассе. Да, прикроватный столик, я же его еще купил и чуть не забыл на кассе. Когда-то торговые центры расслабляли, я туда ходил отдохнуть, посмотреть на людей, поугорать, как Джейсон Ли в Mallrats. Сейчас никакого веселья, одна паника, удушье и головокружение.

Как хорошо было выбраться оттуда, вернуться домой, отмыться, съесть мисо-суп быстрого приготовления с нежнейшим шелковым тофу, потом закинуть кукурузу в пароварку. Кукурузу возьму с собой в самолет, а то эти ссанные фашисты почти перестали подавать на внутренних рейсах нормальную человеческую еду, без говна, трупчатины, молочки вонючей.

12 сентября. День 10

С утра прилетел из Мурманска. Долго добирался из аэропорта, там сейчас опять перекрыли метро на зеленой ветке. Ходит бесплатный автобус, но второй раз вход в метро платный. Последнее время я не прыгаю на халяву в метро, но тут возмутился, пристроился за каким-то дядей. Вышел на Павелецкой, шел пешком. По дороге встретил местного бомжа, у которого изо рта торчит пурпурная опухоль, как больная мошонка. И все ебло в маленьких опухолях. На бомже был свежий оранжевый плащ, но я все равно отругал себя мысленно. Нехуй, сказал я себе. «Кто счастливее трехногого пса? Четвероногий пес». Дома обустроивал быт, досмотрел четвертый сезон «Луи», лежал под одеялом, смотрел в одну точку. Съездил в «Ашан», купил соевое мясо, тофу, чечевицу, крюки настенные (2 пачки по 3 штуки), рулон полиэтилена (чтобы завернуть матрасы и всякие местные пыльные штуки) и еще ряд какой-то хуйни. Что-то завернул, отмыл плиту. Остался пятый сезон, наверное, сейчас и досмотрю. Хотел съездить в клуб «Смена», Феликс Бондарев звал, он там выступает. Я собрался, оделся, но в дверях передумал. Надо пользоваться возможностью не бывать в клубах. Очередной день вот-вот испустит дух.

13 сентября. День 11

После унылого утра решил погулять. Сводил приезжую знакомую во «Второе дыхание», ей там очень понравилось. Сам употребил баночку газировки. Потом еще погулял, в 22:30 мне нужно было в бар на Китай-городе, там была сегодня смена. Я играю персонажа по имени Озицкий. Меня одели в брюки, рубашку, галстук и жилетку и вытолкнули на улицу. Мы с главным героем стояли перед витриной бара, я разматывал киномонолог о ебле, пока красотка Ксюша за стеклом вертелась на шесте, почти что голая. Несколько кадров сняли нормально, удачно и быстро, несмотря на зевак и комментаторов, проходивших мимо. Воскресная ночь была тут как тут, синих на улице становилось все больше, процесс съемки замедлялся. Рядом начался махач, и между дублями пришлось подсказывать к чуваку в спорткостюме, орущему: «Он меня пидорасом назвал, а я Чечню прошел!», осаживать, оттаскивать, чтобы он не убил совсем несчастного тупого парня-алкаша. Если бы чувак был не в тапочках, а в ботинках, от его пинков весь скудный мозг алкаша растекся бы по Большому Златоустинскому переулку. Почему-то чувак даже уважил меня (может, из-за короткой стрижки, жилетки и галстука) и сказал: «Клянусь, я больше его пиздить не буду, чисто лещей надаю». Все это меня освежило, отвлекло от моего уныния и тяжких размышлений о личной жизни. Вдруг неожиданно смена закончилась, меня на такси отправили домой, но я вышел у «Сэндвичей 24», прежде называвшихся Subburger, это наш здешний поддельный «Сабвей». Съел на ночь овощной саб, выпил зеленый чай. Хотя я стараюсь не пить чай, ничего тонизирующего, но замерз сниматься у бара, надо было въебать горячего. Теперь вот уже началось 14 сентября, и этот день будет сложным, так уж сложилось. Привет тебе, ебанный день.

18 и 19 сентября. Дни 16 и 17

Решил чуть больше суток пожить без мобильной связи и интернета.

Прокатился на велосипеде моего соседа Алехина: проехал все Садовое кольцо. Ушло на это часа два или меньше.

Потом смотрел кино, потом спал, потом дочитал биографию Сэлинджера, люто делал зарядку в перерывах.

Потом все-таки не удержался – купил сигареты и давай дымить.

Потом снимали видео с Маргаритой для клипа, потом был концерт в «16 тонн», потом поехали на пьянку к Сергею Миненко, я там один, как убок, шарохался трезвый.

Потом еще погулял на райончике в 6 утра, а сейчас вот пришел и теперь знай себе не могу уснуть.

А уже вовсю 20-е число идет, то есть уже восемнадцатый хуярит.

Такие были последние два дня без синего.

22 сентября. День 20

Ходил гулять. Купил себе в «Седьмом континенте» манты с картофелем, фасоль и банановый нектар. Манты были вкусные, я их съел, как бомж, сидя у памятника Пушкину. Брал руками (немытыми, само собой) и запихивал в пасть. Потом из пенопластовой коробочки сделал подобие ложки и сожрал фасоль. Фасоль была не очень, но я с ней, такой мандой, все равно справился. Пил банановый нектар, пока не подурнело. Потом появился Секси Секисов, сходили в сад «Эрмитаж», попиздели немного и разъехались. Оказался дома, нужно только выбрать, какой фильм/какие фильмы из ряда имеющихся посмотреть.

Вчера было 23 сентября. Сначала это был 21-й день без алкоголя

Утром снимался в короткометражном кино. Реплик у меня не было, просто надо было пялиться в электричке на главного героя как на говно. Собственно, сели в электричку на Белорусском вокзале, час ехали, вышли, я присел на корточки, закурил и поплакал, аккуратненько, придерживая пальцами (чтобы на них текли слезы) глаза, а то на ебале была пудра, пока никто не палит, опять сели в электричку, опять час ехали. На этом смена и закончилась. Приехал домой и думал поспать (ночь до этого не спал), но не получилось. Сидел в интернете, договаривался насчет концертов на ноябрь, это ебаное дело, планировать туры, изматывает, точно говорю вам. Отвечал на аск. фм. Пошел за кроссовками в пункт выдачи «Ламода», но кроссовки мне не понравились. С меня, однако, пидоры все равно взяли 150 рублей за примерку. После чего я пошел в сторону Парка Горького встретиться с Лео. Но не дошел до парка, даже до Октябрьской не дошел, потому что увидел сосущуюся парочку – повернул обратно. Я еле сдержался, чтобы не напасть на них, так хотелось раскрошить их ласковые ебальники. В общем, дошел до магазина «Вкусвилл» и купил сидр. Денег у меня было дохуя, мог себе позволить выпить сидра с Лео. Лео подъехал на скейте, мы выпили по две бутылки сидра и по одной – пива. После чего пошли есть осетинские пироги. Был уже вечер, а я совершенно забыл поесть в этот день, только каких-то орешков. Но мне это даже нравится, пытаться нащупать свой живот, но нащупывать пустоту и думать: «Посмотрите, у каждого поэта есть невозможная баба и тьма, из которой он на нее смотрит». Мы поговорили как раз с Лео о поэтах и бабах, я пожаловался, что тяжело быть занудой. Бабы не любят нас, зануд. Вот если бы я был сутенеристым мудаком, как муж Эми Уайнхаус, тогда было бы другое дело. Но такого говноеда слишком легко прищемить. О, как мне хочется набить ебальник такому человеку, господь, сделай, пожалуйста, так, чтобы он мне встретился сегодня вечером, такой необходимый человек. Короче, пришли мы с Лео в осетинские пироги, а там – ебать конем – поэтические чтения. Это же какая радость, если бы я был счастлив в любви, я бы никогда не попал на это мероприятие. Одно нас очень расстроило: нет осетинского пирога со шпинатом, но без сыра. Я очень люблю шпинат, но сыр не ем. Пожалуйста, дорогие осетины, сделайте пирог со шпинатом, но без сыра. Это может быть шпинат-картофель, а? Как вам такой микс? Почему вы не делаете пирог со шпинатом и картофелем для веганов, было бы заебись.

Обнулился.

28 сентября. День 1

Вернулся из Воронежа, дел много.

29 сентября. День 2

Ночка опять какая-то адовая вышла, принял феназепам, думал, выплюсь, как пес. Но не тут-то было. Позвонила плачущая подруга. Приезжай, говорит, приободри меня, а то конец мне. Я говорю, ну ладно, я никуда выехать не могу, чтобы с тобой посидеть, хотя понимаю, что иной раз такое нужно, но я уже вот-вот вырублюсь, но можешь сама приехать, только я уже одной ногой сплю. Она приехала, выпили по стакану воды, и мне пришлось ответить на вопрос «зачем жить?», придерживая при этом пальцами веки и еле выплевывая слова. Я говорю: ну как, есть у тебя все, ты не инвалид, есть физическое здоровье и есть некая проблема (в ее случае – биполярное расстройство, о котором я знаю только по сериалу «Бесстыжие»). Она, плачущая подруга, кстати, уверяет, что у меня та же самая болезнь, что она рыбака видит издалека.

В общем, я че-то промышчал про то, что можно только давать пиздюлей каждому дню, делать любое дело, одно за другим, и ждать просвета, ждать, как что-либо озарит темень мрака, по которому все мы разбросаны. И радоваться, если еда в тебя лезет, если есть форточка, в которую можно высунуть ебло, потому что у кого-то даже нет ни ебла, ни форточки.

Потом пришлось напомнить о своих делах, отправить ее спать и самому ютиться где-то с краю. Однако сон был тревожен и нарушен. Даже если где-то рядом кто-то ворочается и страдает, изо всех сил пытаюсь тебе не мешать, он действует как раздражитель. Но подруга рано ушла на работу, после чего я хорошенько поспал целых пару часов. Однако проснувшись по будильнику, тормозил. В результате не выспался, с утра тупил. Мне нужно было сделать сложное дело. Снять деньги, которые выслал мой друг детства, встретить оптовика, который бы привез три больших коробки сигарет, и отправить все это на Север, в населенный пункт Лабытнанги через компанию «ЖелдорЭкспедиция». Но была такая проблема: пока я снимал деньги, то захлопнул дверь, а ключ оставил дома. Если бы у меня с собой был паспорт, все было бы норм, поехали бы в «ЖелдорЭкспедицию». Оптовик должен был подъехать с минуты на минуту, а потом он бы довез меня до места отгрузки. Была только одна возможность забрать еще ключ – он был у знакомой, которая должна была вписываться у меня, пока я был не дома, и вообще, пока ей это необходимо. Но знакомая, видать, вернулась к своему парню или еще как-то зажила, вписка ей была не нужна, ключ, сука, воделенный второй ключ, был сейчас лишь у нее. Скоро мне привезли эту партию сигарет, я проверил, все ли на месте, и остался на улице с 1500 пачек сигарет в трех коробках. Мне казалось, что я выглядел подозрительно в черной кофте и черной куртке с капюшоном. Вот я и маялся с этой оптовой партией сигарет, пытался дозвониться до данной знакомой бабы, чтобы узнать, где она. Короче, я пасся, ебать, это же три коробки, сейчас меня накроют и арестуют, подумал я, потом затащил их в подъезд, на этаж, и стал думать, че делать.

Наконец вызвонил Сынка, попросил его сесть в такси, взять паспорт и заказать такси мне, чтобы мы приехали в эту окаянную компанию по отправке груза. Выбрали самый близкий к его дому филиал – на Варшавской. За мной такси сразу приехало, таксист мне даже помог дотащить, хороший попался дядя. Потом я доехал до транспортной компании и, пока Сынок все еще не приехал, оформил все без паспорта. У меня не спросили паспорт за эту отправку. Можете что угодно отправлять, наркоту, все будет чики-мони. Такое дело. Я позвонил Сынку, дал отбой, он лишь пять минут в итоге провел в такси, так долго оно ехало до его дома. (А я там минут сорок маялся с этими накладными.) Потом ездил и гулял, пытаюсь вызвонить бабу-ключницу. По ходу зашел в «Ходасевич», забрал там бабки, которые нужны, чтобы оплатить тираж книги «Клей».

Но меня тревожило, что я не успеваю в типографию. (Туда-то меня не пустят без паспорта.) Я хотел сегодня ночью ехать в СПб, но в результате пришлось отложить все на завтра. Че, делать было нечего, обошел весь центр, купил себе билеты на день позже. Потом еще пере-

секся с Сынком в метро, забрал у него немного необходимых мне книг «Ил-мюзик» и сборник с дневниками и «Парижским сплином» Бодлера. Тут наконец-то написала баба, что отдаст мне ключ через два часа, еще прогулял час, потом просидел один час, пил огромный чай в одном месте на районе, читал «Парижский сплин», спиздил один образ и накатал какой-то стишонок. Несколько его кривых частей теперь хранятся в папке Drafts в моем «Нокио». Потом додумался созвониться с хозяйкой, чтобы отдать ей квитанции, которых скопилось уже очень много, и это дело выгорело на вечер. Потом я уже запутался, в какой последовательности эти шары летали, и заодно пришлось отложить на завтра забирание книги из типографии. И такое облегчение испытал, что удалось отпиздить этот идиотский день, что я даже поблагодарил этот день, что он вытряхнул меня из кокона. Уже отпизженному дню помог подняться, пожал руку и сказал:

– Спасибо за бой, пес.

30 сентября. День 3

Ночью, когда я уже почти заснул, позвонила знакомая. Вот такое второй раз подряд, не поверите. Но, к счастью, не плакала, и ехать никуда не звала, и даже не собиралась ко мне. Зато у нее был день рождения, невыносимый для нее праздник, она напилась и решила (осмелилась) немного поделиться со мной. Ты, говорит, отличный писатель (не думаю, что она хорошо разбирается в литературе), репер (здесь я согласен, что у меня есть потенциал) и добрый (даже к ней со своей стороны не замечал такого) человек, зря ты себя окунаешь в дерьмо. Вот у меня с детства, говорит, одно дерьмо (не буду вдаваться в подробности, че хотите, то представляйте, но я не по-доброму охуел, пока слушал о ее жизни), а у тебя все хорошо. Но ты его везде ищешь, окунаешься. Вместо того чтобы задрать подбородок и подумать: «Я пиздат», и тем самым сотворить себя таким. О нет, пришлось перевести тему. Обсудили что-то, и разговор закончился. Отвлёкся от своих тревог на ее тревоги, но и от сна тоже отвлёкся. В результате чего проебланил часов до трех, чередуя Бодлера с перепиской ВК. Потом все-таки выпил полтаблеточки, но все равно не получалось уснуть еще долго.

Утром надо было в типографию. Проснувшись по будильнику, решил отложить поездку на пару часов, но сон не вернулся. Малыш, давай же, подзывал я его. Типография никуда не убежит. Хуй тебе, отвечал он. Поехал, хуле, на Текстильщики. Накануне договорился, что позвоню от проходной, а мне помогут – подкатят книги куда-нибудь на рохле, а я вызову такси и не успею ошалеть от тяжести. Однако менеджер, которая имеет со мной дело, забыла вчерашний разговор, просто взяла деньги, дала пропуск на выход и подвела к стопке книг. Забирайте и уходите, сказала она.

Я не стал ерепениться, лень было капризничать. Прикинул, двести небольших книжек, не знаю, уж сколько они весили. Эти рассказы ведь почти что мои, я издал их, это мой друг Кирилл «Сжигатель Трупов» Рябов, и я с его книгами пройду через любые испытания. Две пачки по тридцать штук сунул в рюкзак (спина болит до сих пор, сучка), остальные сто сорок упаковал в большую черную сумку. И медленными шагами пошел к проходной. Там набрал такси «Максим» (номера другого такси у меня не было), и мне предложили подождать 25–30 минут. Тогда я решил, что лучше сэкономить.

Добирался долго и тяжело, но это такая терапия. Давай, хули, вчерашний день был жесток, но ты его одолел, сегодняшний день гораздо легче, но хотя бы дарует такую славную физическую нагрузку.

В общем, чтобы не зачахнуть дома, отдыхать долго не стал. Взял уже всего тридцать книг Кирилла Рябова в рюкзак плюс еще десять каких-то и прошел пешком маршрут: «Серпуховская – Циолковский – Ходасевич – Фаланстер». И так же обратно. Еще купил старенькую книжку «Френни и Зуи», по-моему, «Зуи» я давно не перечитывал, уже лет восемь. Хотя в 2012-м пытался перечитать все повести о Глассах, Зуи я тогда упустил (ну и «16-й день...» читал всегда только кусками). Меж тем уже настал вечер. Собрал вещи, которые нужно взять в Петербург, скоро на поезд. Надеюсь, этот день выкинет какой-нибудь внезапный финт, который оглушит меня, свалит с ног и отправит в крепкий и сладкий сон. И таким образом, я, упав на верхнюю полку в плаিকে, как на маты, все же одолею данное, 30-е, сентября.

1 и 2 октября. Дни 4 и 5

Ноутбук с собой не брал, а у Максима Тесли, у которого я ночевал, не работает клавиатура. Пришлось делать пометки в блокноте, как это делает большой мастер прозы Александр Снегирев.

Короче, в четверг приехал в Петербург. Проснулся, уже когда люди выходили из вагона. Наконец поспал без всяких таблеток. Сон в поезде, конечно, – это не совсем пиздатый сон, из-за духоты. Просыпаешься как будто ватой набитый, но зато проспал необходимые семь или восемь часов. Потом гулял, хотя со здоровенной сумкой это было нелегко. Нужно было скоротать время до двенадцати, в двенадцать передать посылку и съесть «антикризисный обед» за 150 рублей в Las-Veggies на Владимирском. Посылку передал, обед съел, надо признаться, он меня не очень впечатлил. Раньше там было вкуснее, раньше там был лучший из веганских обедов, всего лишь год назад. Но и цену за этот год они подняли всего на 15 рублей, так что удивляться тут нечему. Сейчас уже выбирать салат нельзя.

Потом я занес книги во «Все свободны» и пошел к Максиму Тесли, реперу из групп «Он Юн» и «Щенки», человеку с моторчиком в жопе. Принял холодный душ (горячей воды не было) и почалился.

Потом сидели с Максимом, Феликсом Бондаревым и Кириллом Рябовым в «Маяке». Они неспешно выпивали водку, я – гранатовый сок. Сожрал две порции картошки с горошком и еще порцию риса с изюмом. Я много дней хавал плохо и тут вдруг разогнался. Оттуда Феликс поехал домой, а мы втроем пошли презентовать книгу Кирилла «Клей».

Пришло человек двадцать, мы с Кириллом перед ними неловко расселись. Я сказал что-то, Кирилл что-то сказал. Вот такая книга, такая серия, такое издательство. Но тут подоспел Валера. Книгу он еще не успел прочесть, но у него на спине есть специальные ручки-крутилки, я выкрутил «реализм» на 90, «нуар» на 40, «любовь» на 70 и еще несколько кнопок нажал, так что из Валеры потекла речь, и он спас вечер, рассказывая о Кирилле и его прозе. Он робот-оратор.

Потом я еще погулял с Валерой, излил ему всю душу, о своей сложной любви рассказал, короче, про то, что я прячу между строк этого идиотского дневника, и ночью пошел спать к Максиму. Максим был пьян, как бог, и мы еще погуляли. После этого он показал мне по серии хороших сериалов, которые я не смотрел: «Массовка», «Жизнь так коротка» и «В норме». Еще мы смотрели стенд-апы Дага Стейнхоупа, это действительно великий человек.

После чего я лег спать на полу на матрасе. Максим разговаривал во сне. Я постоянно пытался ему ответить, но оказывалось, что это он сам с собой. Потом вдруг он соскочил со своего кресла-кровати, наступил мне на голову, я сказал:

– Мудила, ты мне на голову наступил!

Он тут же лег обратно и, кажется, даже не проснулся. Я на всякий случай оттащил матрас подальше и хорошо выспался без происшествий. Правда, мы спали слишком долго и не пошли на суд над Павленским, на который Максим очень желал сходить.

Ладно, мне нужно было сделать ряд дел, съездить в один магазин, потом в клуб «Мод», обсудить реп-план «макулатуры» с нашим директором Мишей, потом забрать бабки из «Все свободны». Вернулся к Максиму, почитал Бодлера, пока Максим опять вырубился с похмелья. Наконец приехал Феликс, и мы принялись делать реп-музыку.

Сначала час слушали черновики Феликса, потом полтора часа собирали из них треки. Собрали шесть черновых треков для нового EP «макулатуры».

Пошли в «Ионотеку». Там Максиму и Феликсу бесплатно наливают. Встретил там знакомого Леху, который в прошлой жизни спас меня от пятнадцатилетней девочки. В «Ионотеке» можно курить, там играл какой-то нойз или построк, я не разобрал, потому что трезвый начи-

наю паниковать в таких местах, еще этот сигаретный туман, мрак и куча пьяных людей. Мы вышли на улицу, стояли там, разговаривали, и тут меня узнал какой-то парень, лет восемнадцати, выходящий из «Ионотеки».

– Женья! – говорит. – Я купил твою последнюю книгу. Ты меня разочаровал. Вот «Камерная музыка»...

– «Камерная музыка» – параша! – говорю я.

– Она лучшая!

– Ладно, считай так, – говорю, пытаюсь спрятаться от парня.

– Дай хоть обнять тебя, – отвечает он.

– Так разочаровал же, – отрезаю и все прячусь от него за стоящим рядом человеком, как за деревом.

– А как же кемеровский андеграунд?! – крикнул мне парень, когда его друзья или девушка (я уже так разволновался, что не понял ничего, да и темно уже было) уводили.

В общем, я решил лучше погулять перед поездом. Не торчать в таком месте.

Но такой ветер хуярил, что я съел в какой-то столовой вегетарианский борщ и ржаную булочку с чесноком и пошел в метро. Приехал на Ладожский вокзал (так вышло, что уезжал оттуда), почитал немного Бодлера. Дождался поезда. Залез на верхнюю полку, зачем-то подумал о жизни, уснул. А что еще мне оставалось?

7 октября. День 10

Очень хорошо выспался впервые за долгое время. Потом принялся за уборку. Снял со шкафа какие-то местные пылящиеся штуки, обернул их в полиэтилен, чтобы не пылились. Потом вытащил из шкафа и сложил аккуратно все вещи, разобрал книжную полку, протер пыль, все отпидорасил, собрал заново, помыл плиту, помыл полы, постирал шторы, сменил постельное белье, отжался, и настало время ехать на книжную презентацию. В одном вагоне метро заметил подряд двух мужиков с книжками Макса Фрая (разными, но из одной серии в похожем оформлении). Я был фанатом в подростковом возрасте, собственно, это то, с чего я начал читать книги в 99-м году. Даже перечитывал («Гнезда химер» и «Мой Рагнарек» прочел раза по четыре, почти все книги серии «Лабиринты Ехо» по два раза), но сейчас почитал немного из-за плеча второго мужика, не заманило совершенно. Доехал до бара «Дич». Там мы как-то провели презентацию с грехом пополам. Сынок че-то поговорил, Антон «Секси» Секисов поговорил, великий Сенчин поговорил, я сказал пару слов, продали четырнадцать книг, выпили водки (я пил чай) и разошлись. Секси пошел ночевать ко мне, дошли пешком от Китай-города до Серпуховской. Еще успели в «Дикси», купили там мороженных цветной капусты и брокколи, а еще овощного сока. Поужинали, пытались посмотреть фильм «Двойник» с Джесси Айзенбергом, но словили тухляка. Посмотрели две серии «Жизнь так коротка», на том решили послать этот день подальше и лечь спать.

Добровольцев нет

This is fucked up, fu-a-acked up.
Том Йорк

У Сперанского были какие-то дела в Петергофе, значит, выходило, что я буду ночевать один на новом месте. Честно говоря, я боялся. Боялся, что вот так я войду в новое жилье, проведу одну ночь, потягивая пиво или вино. И моя жизнь совсем не будет отличаться от жизни Генри Чинаски. Я все-таки не персонаж, а настоящий человек, но иногда уже перестаю это чувствовать. Я позвал Кирилла, но он сказал, что не поедет ко мне. Понимаю, ему бы пришлось добираться два часа. Что он будет через весь город пилить, чтобы подержать меня за ручку, он же мне не мамочка.

Так что мы выпили немного пива, Сперанский уехал, и я пошел на новую квартиру. Всего десять тысяч, я боялся, что нас развели. Где-то тут должен быть подвох. Я вставлю ключ в замочную скважину, и ключ не подойдет. Или ночью меня разбудят менты и поведут в отделение. Я боялся, что напьюсь один и выброшусь в окно. Я сидел и думал. Обдумывал еще, что я могу написать отцу.

Я часто думаю, что ему написать, но не часто пишу. Зато постоянно про себя проговариваю варианты писем.

Сам он на днях написал, что моей сестре сделали укол, и теперь год она не будет пить. Ее выгнали с работы после последнего запоя, а она была директором парикмахерской.

Я не знал, что ответить отцу.

Привет.

Я сломался. Мне уже все равно, кем я буду. Я вдруг перестал бояться, что ничего не выйдет, и вообще чем-то интересоваться. Я читал, что это первый симптом депрессии. Депрессия – это когда человек не интересуется вещами, не заслуживающими интереса. Уже ничто не заслуживает моего интереса. Каждые выходные я схожу с ума от безделья, мне хочется только пить. Лучше бы не было выходных, я бы работал и работал, так легче. Я уже не хочу печататься, я ничего не хочу. Я так долго хотел иметь книгу, а ее нет и нет. Я кажусь себе чем-то вроде девственника, который решил не трахаться.

Я живу только из-за того, что тебе и Сигите будет больно, если я покончу с собой. У тебя хотя бы останется Ваня, а у нее никого не останется, с кем она сможет поговорить так. Хотя кто-то появится, наверное, со временем, нечего себя переоценивать. Раньше я всегда считал тебя счастливым человеком. Но когда зимой ты мне сказал, что это не так, что тебе так же больно и невыносимо, почва ушла у меня из-под ног. Я не знаю, как жить без этой иллюзии. Зачем ты мне это сказал? Ты сидел в этих трусах напротив телевизора, сказал мне, что ты тоже несчастен, а смысла в жизни нет, и я увидел тысячи горьких жизней, которые будут повторяться без толку поколение за поколением. Мне стало так одиноко, меня просто бросили одного в лесу. Я потом расплакался, когда ушел в комнату, ты мне дал по голове, короче говоря. Единственный счастливый человек оказался несчастен, я не знал, куда мне деться. И жить неохота, и сдохнуть страшно.

Вчера я видел человека без глаз в метро. Я хотел дать ему тысячу, но мне стало жалко тысячи, и я дал ему стурублевку.

На день рождения тоже пойду зашиваться, у тебя будут два зашитых ребенка-алкаша. Я уже звонил, за две тысячи мне введут физраствор, и я останусь один на краю вселенной. Странно как-то все получилось.

Мы со Сперанским сняли квартиру, и теперь у нас адрес Добровольцев, 181, квартира 237. Так что есть и хорошие новости. Всего за десять тысяч. Будет где отдохнуть по выходным.

Привет всем.

Не падайте духом.

Я бы нахуй застрелился, если бы получил от сына такое письмо. Ничего не стал писать отцу, да и подключиться к интернету мне не удалось. Посидел, поплакал, посмотрел порнуху, подрочил, взбодрился и пошел в магазин.

Милостивый читатель, я продолжу свой добрый рассказ после онанизма. Советую и тебе отвлечься от моей истории ради того, чтобы порадовать себя этим простеньким удовольствием. Огненные буквы летят мне навстречу, я жму «вниз», «прыжок», успеваю или не успеваю вернуться.

Мне хотелось есть, но не хотелось готовить. Помимо двух бутылок Holsten купил какую-то шляпу быстрого приготовления. «Биг ланч». И пошел из магазина домой. Был первый час ночи. В этом районе полно гопоты, я надеялся, что будет конфликт, это бы меня взбодрило. Хоть какое-то развлечение. На углу дома я как бы случайно, но и нахально, задел парня плечом, но из этого ничего не вышло. Бить меня не хотели. Вид у меня был действительно безумный, говорю же – я был на пределе. Наверное, это было видно по моим глазам. Ад полыхал в них ярким пламенем, он сгруппировался, как перед прыжком, и пружина готова была сработать в любой момент. Это значит, что я могу больше не бояться пустяков. Зачем я буду бояться получить по башке, если каждый день мне приходится сталкиваться с непрошибаемой пустотой, пожирать ее, сгорать от тоски?

Я решил подняться на шестой этаж по лестнице. В подъезде, или, как здесь говорят, парадной, пахло мочой, что напоминало: «Ты в Питере!», все как положено. Я поднялся и вставил ключ. Сердце мое замерло, мне послышались голоса из квартиры. Я открыл дверь. Нет, это я забыл выключить порнографию на ноутбуке, а шарманка так и шла. Какой-то белобрысый парень ебал Ленни Барби уже по второму или третьему кругу. Говоря начистоту, актриса она неважная. Мне нужен женский оргазм, а Ленни Барби как будто вообще не кончает. Но сейчас у меня была записана лишь одна порноновелла – и та с ее участием.

Я обломал им секс, разогнал их праздник, включил вместо этого группу The Scarabeusdream, и отчаяние хлынуло в квартиру из колонок ноутбука. А я вскипятил воду в кастрюле и заварил себе «Биг ланч». Сама вермишель была ничего, но вот прилегающийся мясной соус на вид сильно напоминал дерьмо. На вкус тоже оказался дерьмом, я думаю, что у дерьма именно такой вкус, как у этого соуса. Но мне хотелось есть, а еще раз выходить не хотелось, я устал. Работаю всего второй месяц, а уже чувствую, что дохожу до ручки. Хотя дело не в работе, наоборот, в выходных: нарушается ритм, а потом приходится ехать на залив, входить в ритм заново, но он нарушается.

Превозмогая отвращение, съел порцию.

Немного привык. Мне уже было не страшно. Квартира мне нравилась. Комната, квадратов восемнадцать, шкаф-стенка, стол, раскладушка, кресло, туалет с тремя разными стульчаками (не знаю, откуда они там взялись): деревянный и два пластмассовых; ржавая ванна, кладовка – там есть даже гиря и велосипед со спущенными колесами, очень маленькая кухня. Лучше и не придумаешь. Здесь я напишу второй роман или хотя бы первый, если все еще найду в себе желание этим заниматься. Нужно найти желание, иначе в моей жизни не останется ничего.

И я тут же состарюсь, как мои друзья.

Позвонила Сигита, поговорила со мной, она переживала, что я тут сойду с ума в одиночестве. Она тоже чувствовала, что я карабкаюсь из последних сил и что мне уже все осточертело. Ее поддержка мне нужна, она была совершенно права. Она назвала меня «кисонькой-мурлысонькой» и посоветовала поехать в гости, если есть возможность.

Я и так думал поехать в гости, чтобы не сидеть в одну каску, как лох. Но я вымотался. Девушка Маша предложила приехать к ней и ее приятелю. Вроде это было не очень далеко.

Они там бухали. Я собирался поехать, но передумал. Я любил Сигиту, а пить с Машей, как я думал, может быть чревато сексом. Если я изменю Сигите, я должен буду ей рассказать об этом. Если я буду иметь кого-то втихаря, от меня ничего не останется. Сейчас я поговорил с Сигитой и понял, что точно не поеду к Маше.

Я набрал Машу.

– Извини, я, наверное, уже не приеду. Устал и уже пьян.

– А что так? Мог бы и приехать.

На фоне кто-то сказал Маше, чтобы я взял бухла.

– Не, я лучше в одного посижу, как лошара, – сказал я. – Пока.

– Ну пока. Как знаешь, – ответила Маша и отключилась.

Я просто сидел, потягивал пиво и смотрел перед собой. Ни телевизора, ни интернета. Были книги, но я про них просто забыл. Я сидел и сидел. За окном люди еще продолжали жить. «Занимались жизнью», как говорит Сперанский. А я медленно пил Holsten калужского разлива. Это и есть стать взрослым. Одну выпил, а вторую бутылку мне не захотелось. Я и так уже чувствовал себя нетрезвым. Девять бутылок все-таки я уговорил за день. А перед работой это многовато.

Я лег на раскладушку и закрыл глаза. Мне показалось, что я проспал минут пять, когда зазвонил будильник в телефоне.

Началось утро.

Похмелье было несильным, но я не выспался. Вокалист «скарабеусов» до сих пор над-рывался. Позвонил Сперанскому.

Абонент не отвечает или временно недоступен.

Я использовал метод Шерлока. Значит, он на другой сим-карте, значит, он еще сидит в интернете с телефона за своим ноутбуком, а значит, этот мудака до сих пор не вышел из общаги.

Я позвонил ему на «Билайн».

– Блять, ты еще не вышел? Уже девять!

– Да все, я уже выхожу. Пятьдесят минут ехать.

– Ты будешь только через час десять. Не пизди. Быстро выходи.

– Хорошо.

Я почистил зубы, убрал свой маленький Asus в сумку и вышел. Уже на улице я понял, что забыл зарядить телефон. Поэтому я написал начальнику: «U menya mozhet sest' telefon, budu как obuychno». Я сел на трамвай, который идет до метро «Автово», и подкатило. Меня затошнило так, что чуть не стравил прямо в трамвае. Моему организму хотелось избавиться от «Биг ланча» как можно скорее. Нужно было что-то выпить, сок или чай, тогда станет легче. Я зашел в «Чайную ложку» возле метро и заказал себе зеленый чай и салат.

– Вам один чай или двойной? – спросила девушка.

– В смысле?

Я стоял как вкопанный, не понимая, чего она от меня хочет. Кассирша смотрела на меня с сожалением и тревогой.

– Вам чая на одну чашку или на две?

Я вдруг заеблил. Ничего не понимал. Ни слова.

– Чаю на одну чашку? – спросила она еще раз.

Одну чашку, две чашки, чашки крутились в голове, кажется, я сошел с ума. Мир вокруг замер, время никуда не двигалось. Мне стало страшно, что я забыл русский язык.

Вдруг я понял.

– Я же один, – сказал я.

Расплатился и сел за столик.

Салат поможет желудку заработать. Нужно было зарядить мобильник, но розетки я не увидел. Написал Сперанскому: «Ya v chaynoy lozhke». Я съел салат, стало легче, было уже

ровно десять, а Сперанского не было. Через сорок минут электричка, мне еще надо ехать на залив, из-за Сперанского я мог остаться без работы. Она мне нужна, без работы я теперь уже не смогу. Я отнес поднос с грязной посудой куда следует и вышел.

«Ya u vhoda v metro».

И зарядка кончилась, все, теперь телефон не включить. Больше всего я не люблю опаздывать.

Сперанский опоздал на восемнадцать минут.

На электричку я опаздывал уже по-любому. Женя будет целый час ждать меня в Зеленогорске, а потом поедет на залив один и расписхуется, это как пить дать. А созвониться с ним я не смогу. Я не догадался, что мог бы позвонить Жене, вставив сим-карту в телефон Сперанского. Слишком я был зол, чтобы думать.

Сперанский шел, как всегда, ничего не видя. Со зрением у него неважно.

Я пошел ему навстречу, показывая средний палец вместо приветствия.

– Пидорас, – сказал я. И швырнул ему в туловище ключи.

– Ты совсем охуел? Мы же в десять договорились?

– В десять, блять, а не в двадцать минут! – сказал я и пошел прочь от него, пошел в метро. Жетон у меня был. Уже спустившись в зал, я стал высматривать Сперанского, но не нашел его. Опять я сорвался, хорошо хоть не ударил его. Он бы выбил из меня эту дурь, удар у него хорошо поставлен, пара лет тайского бокса изменили его. Я искал взглядом красный кардиган Торпач и его стильные джинсы Cheap Monday, но не мог найти. Мне хотелось извиниться.

Но я сел и поехал на станцию метро «Черная речка». Там я смогу сесть на маршрутку и через час уже буду в Зеленогорске.

Женя подождет минут десять. Ничего с ним не случится.

Но когда бытие наваливается на меня, все становится сложнее. Я не знал, где останавливается маршрутка на Черной речке. А спросить у кого-то я не мог. Психологически не мог. Если я подходил к незнакомому человеку с похмелья или просто не в духе, у меня не хватало духу спросить:

– Простите, где останавливается маршрутка до Зеленогорска?

Я ездил на ней только из Зеленогорска в Петербург, то есть оттуда сюда. Отсюда туда я всегда ездил на электричке. И, видимо, из Петербурга в Зеленогорск маршрутка ехала немного по другому маршруту. Поэтому я прождал минут пятнадцать и не дождался. Время терять нельзя. Я снова пошел в метро. И доехал до станции Удельная.

Вошел в железнодорожную станцию и изучил расписание электричек. Я опоздал, начался перерыв, и следующая будет только в два часа дня. Мне хотелось плакать, хотелось кому-нибудь жаловаться, но телефон не работал. Я знал одно заведение тут, «Блиндональдс». Пародия на «Макдоналдс», но там есть дешевое пиво, и я там часто бывал. Я надеялся найти там розетку. Но я обошел весь зал и не нашел розетки. Я снова не знал, что делать. Уже нужно было работать. Мне вдруг этого сильно захотелось – работать легче, чем жить. Женя будет давать мне нагрузку, я буду точно знать, что должен сделать. Я буду пилить бензопилой, крутить шуруповертом, резать болгаркой. Это лучше, чем стоять у выхода из «Блиндональдса», будто в штаны навалив, и не знать, где зарядить телефон.

Я набрался смелости и зашел в магазин. Диски, музыка, игры. Продавец был молодым симпатичным парнем.

– Можно я воспользуюсь розеткой? – спросил я.

– Пользуйся.

Я сел на диванчик. И воткнул зарядку в тройник. Розетка не работала. Следующая. Тоже не работала. Я посмотрел и увидел еще одну розетку.

Она работала. Я спасен. Я набрал Женю.

– Я отравился немного. Извини. Приеду завтра или вечером, ты меня не уволишь?

– Ты где? – спросил Женя.

– Я на Удельной еще. Тут нет электричек... Немного затупил, мне стало плохо, и я опоздал. Я приеду вечером или завтра утром.

– Хо... Хо... Хорошо... Отдохни то... То... Тогда еще денек. Завтра приезжай.

– Спасибо. Пока.

Все нормально. Кроме того, что я потерял тысячу четыреста рублей за рабочий день. Я позвонил Сперанскому.

– Извини, что я на тебя наорал. Я тут опоздал, больше не будет электрички. Ты сможешь отдать мне ключи через полчаса?

– Смогу.

– Давай тогда ровно через полчаса? Ты на Василеостровской работаешь?

– Да. Ты тогда позвони, как будешь подъезжать.

– Хорошо.

Только я выключил Сперанского, позвонила Сигита.

– Что у тебя с телефоном?

– Сел, и вообще он глючит.

– Ты уже на работе?

– Я отпросился.

Мы еще обменялись несколькими фразами и распрощались. И я выдернул зарядку, сказал продавцу:

– Спасибо.

И вышел.

Что там думает Женя по этому поводу? Я уже второй раз его так подвожу. И снова не по своей вине. Я потыкался в телефоне – он опять отказался включаться.

Вышел на Василеостровской и не знал, что мне делать. Можно было позвонить из автомата, но я знал наизусть только Сигитин номер. Трех рублей, закинутых в автомат, хватило, чтобы сказать:

– Скажи Упитышу, что я его жду. Сел телефон.

Ее ответа я не расслышал.

Сперанский пришел минут через десять. Он не только дал ключи, но и спросил, не хочу ли я есть.

– Хочу, но у меня кончились деньги.

Он сказал, что купит мне еды. Мы пошли в бистро. Я съел борщ. Он съел борщ и салат. Я зачем-то сказал, что хочу бросить эту работу. Вдруг я подумал, что больше не хочу ездить на электричках и долгой маршрутке. Сперанский предложил попробовать устроиться журналистом в какой-нибудь журнал. Я сказал, что попробую что-то подыскать и, если меня возьмут, брошу работать с Женей.

– Мне нужно хотя бы двадцать. После тридцати, правда, все равно мало получать двадцатку.

– Двадцать-то будут платить, – сказал он. – Только нужно не в такую газету, как моя. А в журнал. Напишем тебе резюме на выходных и разошлем.

Мы вышли из бистро, зашли в магазин. Сперанский купил мне кефир. Желудку стало легче. Я дошел до его работы, а потом пошел в метро. Добираться где-то час, я хотел попасть в наше жилище, хотел оказаться там. Нужно отдохнуть, чтобы завтра работать. В метро было душно, я чувствовал, что усталость вот-вот добьет меня. Но все-таки дотерпел до Автово. Хотя мне хотелось спрыгнуть или кричать еще на Балтийском вокзале. Хорошо, что я не в Москве. Но плохо, что Сигита не со мной. Она нужна мне, она спасет мой рассудок. В Москве метро хуже, чем в Петербурге. Мне кажется, в Петербурге метро уютнее, наверное, уютнее или мне кажется раз два три четыре пять точка точка точка тире тире тире тире точка точка точка.

Вышел из метро и не сразу нашел остановку. Но потом вспомнил и побежал, догнал трамвай и запрыгнул. Расплатился, и денег у меня не осталось. Но это оказался не тот трамвай, я это понял, когда он свернул не туда.

И я вышел. Дремучий лес и никаких ориентиров. Нас просто бросают в эту жизнь, как параноика Эрнеста, и дождь смывает клей, на который приклеены волосы к нашей груди, и клей с волосами текут по пузу, не предвещая ничего хорошего. Мне придется час идти пешком. Отдохнуть, а потом помочь перевезти вещи из Петергофа Сперанскому. Я должен поспать. Так я шел, не приспособленный ни к чему. Когда я увидел компанию гопников по курсу, я перешел на другую сторону. Сегодня я боялся всего. Философские вопросы выпотрошили мне кишки.

Добрался. Почти потерял день. Уже четыре.

Сначала чуть не зашел не в тот подъезд, но потом до меня дошло, я вспомнил номер квартиры. В лифте пахло мочой, как небо синее, а трава зеленая.

Ключ подошел.

Я был дома, мне удалось спастись. Мне нужно было срочно помыться, срочно зависнуть в ванной, и все наладится.

Разулся и открыл сумку, чтобы достать гель и зубную щетку. Но флакон открылся, гель вытек и залил книги и мои чистые трусы и носки. На ноутбук, к великому (ха-ха) счастью, не попало, он был в другом отделе.

Я бросил книги на стол, носки и трусы на пол.

Нужно их прополоскать.

Сумка пахла как кусок мыла.

Вытащил протекший флакон. Стоял и пялился на него.

Стоял и пялился. Я не знал, что мне с ним делать. Я вдруг забыл все. Все, чему учился в течение жизни, не имело смысла. Выронил необходимый фрагмент пазла. Мой мозг не мог отправить подходящую команду, дать телу верное распоряжение.

Сигнал потерян, сигнал потерян. Я не знал, как людям удастся справиться. Не знал, как надо реагировать на этот пролитый флакон. Я больше никогда не буду счастлив. Этому парню больше не давать! Я не смогу жить. Все мечты обречены. Как облегчить страдания? Я не умею быть счастливым, мне срочно нужно работать. Я не могу думать. Рука моя стала липкой от геля. А я стоял посреди чистого поля и смотрел на флакон Palmolive for men, а ледяной ветер забирался под одежду и дальше, под ребра. Я висел в открытом космосе, меня скрутили, я пустышка, машина пережевала меня, ничего не оставив, от меня уже ничего не осталось. Машина уничтожила человека. Через две недели мне исполнится двадцать три года, и неважно, допишу ли я роман, добыю ли я последние десять страниц или нет, поставлю я себе укол, чтобы не пить год, или полгода, или три года, ничего не имеет значения, ведь я даже не знаю, что мне делать с этим флаконом. Двадцать три года, я мог бы быть отцом или директором магазина, молодым бизнесменом или начинающим политиком, пикапером или верным мужем и мог бы уже умереть от СПИДа или даже стать известным актером, но это все было бы неправдой; люди всю жизнь только и делают, что прикидываются кем-то, и я не знаю, что с этим делать, как ни верти, а ничего с этим нельзя поделаться. Что, я должен его себе в задницу засунуть, этот флакон?

Это крик, я кричу о помощи. Помогите мне.

Рай открыт для всех

С закрытыми глазами я ехал на работу в маршрутке. Обычно я не могу заснуть часов до трех, зато потом весь день хожу как в астрале. Нужно было открыть глаза и посмотреть в окно: не пора ли мне выходить. Я частенько проезжал свою остановку. Тогда маршрутка доезжала до конечной, разворачивалась, а я выходил на обратном пути, опаздывая таким образом на двадцать пять минут. Я ехал и заставлял себя открыть глаза, но они никак не хотели распахиваться, и я вроде уснул еще на неопределенное время. Потом проснулся от неожиданного матерного возгласа, доносившегося издалека, и как будто даже услышал скрип тормозов и удар. Но крик, скрип, удар – видимо, все это было частью уже забытого сна, потому что я не ехал в маршрутке, а сидел на стуле. Огляделся: это было просторное помещение, очень просторное. Потолки – метров пять в высоту, большой зал, наверное, пятьдесят на пятьдесят метров. Здесь были столики, за которыми сидели люди, по одному или, редко, по двое. Я тоже сидел за столиком. Недалеко от меня была стойка, за которой стоял красивый, уж намного красивее меня, парень.

Я встал, подошел и попросил бутылку пива. Он поставил ее передо мной.

– Сколько с меня?

– Ничего не надо.

Он вежливо улыбался.

– Как так?

Он улыбался вежливо, но немного снисходительно:

– Все за счет заведения.

– Тогда дайте мне еще две и сигарет.

Он совершенно спокойно, ни капли не смущенный моей дерзостью, поставил передо мной пиво и положил сигареты.

– Все?

– Да, спасибо. А почему? За какие такие заслуги?

– Идите, присядьте.

Я пошел обратно за столик, пил потихоньку пиво из бутылки, я люблю пить из бутылки, и смотрел по сторонам, пытаюсь что-то понять. Место было каким-то странным. Люди вокруг были задумчивые, иногда кто-то из них вставал и шел в сторону выхода, находящегося в конце зала. Один мужик вышел туда, и я услышал оттуда поток брани. Мужик ругался непонятно на кого, утверждая, что зря пахал «как Папа Карло». Только вместо «пахал» он использовал другой глагол.

Тогда я встал, взял одну из бутылок с собой и подошел к девушке, которая сидела одна, пила чай или кофе, ее я приметил полбутылки назад:

– Можно сесть с вами?

– Садитесь.

Она была симпатичной.

– Что?

– Нравитесь вы мне. Красивая.

– А.

– Но я хотел у вас спросить: что это за место?

– Так вот же, на столе лежит брошюрка, почитайте, там все написано. И можно на «ты».

– Хорошо. Я просто думал, это реклама.

Я начал читать. Там была написана всякая чушь, совершенно нелитературным языком. Я прочитал полтора предложения о каких-то райских пастбищах и отложил эту ерунду.

– Тут, – говорю, – какая-то матерная ерунда.

Она ехидно заулыбалась.

- Как вас зовут?
– Я же сказала, можно на «ты».
– Тем не менее как вас зовут? Тебя.
– Соня.
– Славно. То есть очень приятно. – Я представился. – Так где мы находимся?
– Почитал бы это. Там волшебный текст, когда его читаешь, там все объясняется так, как если бы объяснял сам читающий. Это там тоже написано.
Я усмехнулся.
– Да это зеркало души? Это вы намекаете, что я такой матерщинник?
– Не смейся. Это правда. И не выкай, надоел.
Я ответил:
– Ладно.
– Ты что, – говорит, – не помнишь, как здесь оказался?
– Н-нет, чего-то не могу вспомнить.
– И я не помню, – говорит. – Мы попали в чистилище, или как там это называется? В общем, когда умираешь, попадаешь сюда.
Тут нас отвлек парень. Тип этот, непонятно откуда взявшийся, стоял и кричал:
– Что такое, чуваки?! Что за ерунда?!..
– Вот, посмотри, – сказала мне она. – Это уже не первый.
– Что здесь происходит?! – Этот тип был здоровенький, но из дверного проема вошли двое охранников, они направились к нему.
Тип голосил:
– Какого черта! – Схватил мужичка, мирно прихлебывавшего свое пойло, и ударил его. – Что за хуета такая?!
Охранники резко схватили бунтаря под руки и поволокли к выходу.
– Да отпустите меня, пидоры, отпустите, пидоры!
Случайная жертва дикого парня опять села прихлебывать свое пойло.
– Истерика у него. Тоже, как ты, ничего понять не может, в раю оклемается, – пояснила Соня.
– Этот кретин попадет в рай, по-твоему?
Парня в этот момент вытащили из помещения, снаружи доносился его крик, невероятно дикий:
– Да что это, блять, такое?! Где мои ноги?!
И потом заткнулся.
– Ада нет, – пояснила она. – Вот этому ноги отняли. Такая штука: все хорошо, рай открыт для всех, но тебя делают калекой. Как только выходишь, а там в зависимости от того, кто ты, как ты жил и думал, тебя лишают конечностей. Или ушей.
– Ебано, – только и сказал я растерянно. И извинился.
– Ничего. Да, приятного мало. Я сижу здесь уже часа два. Настраиваюсь пойти.
– Так зачем тогда вообще туда идти?
Она так посмотрела на меня, как будто очень рада, что я задал этот вопрос. Как будто ответ на него она берегла и лелеяла:
– Ты видишь тут туалет?
– То есть? Нет.
– Ну.
Я на нее тупо смотрел. Она улыбалась. Тут до меня дошло, что я ошибся в выборе выпивки.
– Ебано два!
– Вот-вот. А подают тут только напитки, больше ничего. Видимо, чтобы заторов не было.

– Да уж, долго не просидишь. Значит, когда людям захочется в сортир, им придется лишиться конечностей. Остроумно.

Пока мы молчали, я закурил. Она посмотрела на сигареты с сомнением, но закурила сама.

– Получается, повезло, что я до старости не дожил, – говорю. – А то отправился бы в вечность с дряхлым телом.

– Да тут возраст не имеет значения, – возразила она.

– В смысле? Ведь тут дофига всяких разных?

Я огляделся, чтоб подтвердить свои слова. Здесь были люди разного возраста.

– Да суть в человеке, – говорит. – Вот мне сколько на вид?

– Двадцать, а может, меньше двадцати.

– А дожила до семнадцати.

– Мой любимый возраст, – ответил мечтательно.

Но она проигнорировала эту мою интонацию: вроде как педофильская шутка и одновременно пробивание почвы.

– Хотя здесь разница невелика – могла так же выглядеть. Вот ты до сколько дожил?

– До тридцати. А на вид сколько?

– Ну, лет девятнадцать...

Я взялся за лицо:

– Надеюсь, хоть прыщей нет?

– Прыщей нет.

– На том спасибо. Выходит, права была мама – я не достиг взрослости. А ведь всегда старше смотрелся.

Потом мы взяли две бутылки вина, решили, будем пить вино, пока позволяют наши мочевые пузыри. Трезвыми туда идти не хотелось.

– А тебе, – спрашиваю, – сильно страшно?

– Ну, не знаю даже. Сложно себя оценивать. Может, останусь без ног или рук. А ты боишься?

– Не знаю, хорошим человеком я не был и с другими никогда особо не церемонился. Но мне кажется, по сути, по справедливости, надо сильно дрючить людей нечестных, подлых, корыстных. Такое. А я был честен с собой и с людьми. Кажется. Хотя, может быть, не до конца. Старался, по крайней мере. Хотя кто знает их систему?

И тут я вспомнил один случай. Видимо, мое лицо исказилось, потому что она спросила:

– Что такое?

– Вспомнил одно нехорошее. Самое. Я на первом курсе учился, поссорился со своей девушкой и подарил зайчика, которого она подарила мне, своей однокурснице на день рождения. Черт.

– Отвратительно.

– Больше десяти лет с этим жил.

Мы так сидели, и я чувствовал, что скоро захочу. Я скоро захочу в туалет, и с этим ничего не поделаешь. Все вечера с вином неизбежно заканчивались в жизни и, как оказалось, после жизни тоже.

– Ну как, еще выдержишь?

– Нет, уже хочу-хочу.

– Давай по одной покурим.

Но скурили еще по несколько, далеко не по одной, прежде чем пошли. Возле выхода стояли два парня, и один из них уже почти зашел, но все же не решился.

– Ты, – говорю ему, – пива бы выпил побольше, уже бы там давно был.

Он взглянул на меня. Я хотел его в шутку толкнуть, но он отскочил, и они с другом отошли.

– Зачем ты так, – сказала она, – пугаешь человека? Непросто ему.

– Ладно, готова?

– Готова. Вернее, уже не могу терпеть. Возьмемся за руки?

Мы взялись за руки. Впервые прикоснулся к ней.

– Я очень рад, что познакомился с тобой... Соня, – сказал я почти торжественно. Я чувствовал себя женихом на свадьбе.

– Хватит, пошли. Я сейчас уже того.

Я шагнул вперед, сделал несколько шагов, с удивлением повернулся к ней:

– У тебя тоже все на месте?

– Не знаю, вроде да, – она потрогала свою голову, прощупала ее руками.

– Кроме одного уха.

И тут я начал падать. Я как будто проваливался сквозь землю. Она сделала испуганное лицо, быстро протянула руки к моей голове и за голову начала поднимать меня.

– Что это со мной?

Она в ответ наклонила меня – у меня не было рук, ног, тела. Ничего, кроме головы. Я стал колом. Я сказал:

– Блять! А ведь уже тогда чувствовал, что поступок нехороший. Этот драный зайчик. Я был злой, понимаешь, мне казалось, что это будет остроумно. Чертов заяц!

Она бережно держала меня на руках, лицом повернув к своему лицу:

– Ну, ничего страшного. Не все так страшно.

– Ты и такого будешь меня любить?

– Посмотрим.

– Жаль только, мы будем лишены некоторых удовольствий.

– Это точно. Во всяком случае, ты.

– А может, это временно? Может, тело регенерируется, как у червей? А?

– Может, и так.

Соня несла меня на руках в рай. В жизни никто не носил меня на руках, и я подумал, что это все не так уж и плохо. Калеки в вечность, но можно бы было сидеть там, мочиться в штаны и бояться, зато с руками и ногами, с задницей, со всем, что нужно. Бояться и мочиться в штаны.

– Где здесь туалет? Ты подождешь меня? – спросила она.

– Подожду, – ответил я, – конечно, подожду.

Лес

Лучшее, что было в моем детстве – прогулки с отцом по Барзасской тайге. Если из наших общих воспоминаний сделать одну историю, начнется она примерно одинаково, но закончится по-разному. Первое – это их ссоры. Папа и мама ругаются на кухне. Мне же всего три года, я сижу в комнате. Сначала просто страшно, я жду. Они говорят тихо, и до меня доносятся лишь мамины гласные и гул папиного голоса, у него низкий голос. Они прибавляют, и растет мой страх. Скоро мама закричит. Это команда для моих слез, тихого плача. Если я слышу, что они борются, кричат, мама пытается ударить отца, то подключаю сигнализацию, чтобы спасти его. Мой визг помогает, для них это сигнал – хватит. Ссора затихает.

Мама остается на кухне, ждет, пока папа уйдет из дома. Он заходит в комнату. Берет меня, заплаканного, на руки. Он одевает на меня кофточку, накидывает курточку, помогает обуться. Сам я еще не отошел, не могу собраться, не оправился. Мы с папой выходим из квартиры, я слышу на кухне всхлипы мамы.

Спускаемся по лестнице, выходим из подъезда, проходим двор, мои слезы высыхают. Смотрю по сторонам, отвлекаюсь. Переходим центральную дорогу, Дом культуры, тут я уже устаю идти пешком. Папа берет меня на руки. Я расслабляюсь. Отдохнув, начинаю задавать вопросы:

– А мы сегодня дойдем до реки?

Он закидывает меня к себе на шею:

– Нет, сегодня просто прогуляемся по лесу.

Сразу за Домом культуры высоковольтная линия. Мы проходим под проводами и оказываемся на тропинке, ведущей в настоящий лес. Я спрашиваю, встретим ли мы бурундука или белку. И папа отвечает, что сам не знает. Все зависит от них, а не от нашего желания их встретить. Везение. Я сам знаю, что такое невозможно предсказать, но мне хочется задавать ему вопросы, и я задаю самые нелепые.

– А какая глубина в Барзасе? Шесть метров?

– Думаю, метра два.

– Так мелко, – радуюсь я. – Это значит, ты сможешь достать там до дна?

– Смогу, – отвечает папа.

Мы входим в лес. Когда папа устает, он спускает меня на землю. Мы идем, держась за руки. С одной стороны пустая дорога, с другой стороны – настоящий русский лес, который живет, дышит, звучит голосами разных животных. Папа находит пару ягод малины и скармливает их мне.

– Какую ягоду можно есть? – спрашиваю я. – Малину? А еще?

– Костянику, – отвечает папа.

– А какую нельзя есть?

– Волчью нельзя.

– Заболит живот?

– Да. Сильно заболит, не стоит ее есть.

– Пусть тогда волки ее и едят. Здесь же живут волки?

Солнце краснеет и спускается за деревья. В сумерки мы устаем гулять. Это значит, что нужно поворачивать обратно. Всю дорогу домой я проведу у папы на руках или на шее. Я больше не способен генерировать свои детские вопросы, поэтому он читает мне стихи. Он знает наизусть Хармса, Успенского, что-то из детского Маяковского. Но для меня пока не существует этих авторов. Для меня есть только голос отца, и папа сам создает эти истории на фоне леса. Я не сомневаюсь, что он придумывает их в настоящий момент.

Чаще всего он читает мне «Великана с голубыми глазами» Назыма Хикмета. Это первое стихотворение, которое я выучу в детстве, которое отчасти запрограммирует мою жизнь. Не знаю, как там решит редактор, но я хочу привести его сейчас целиком (вдруг у читателя, как у меня сейчас, нет доступа в интернет):

Был великан с голубыми глазами,
он любил маленькую женщину.
А ей все время в мечтах являлся
маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.

Великан любил, как любят великаны,
он к большой работе
тянулся руками
и построить не мог
ей теремок —
маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.

Был великан с голубыми глазами,
он любил женщину маленького роста.
А она устала идти с ним рядом
дорогой великанов,
ей захотелось
отдохнуть в уютном домике с садом.

– Прощай! – сказала она голубым глазам.
И ее увел состоятельный карлик
в маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.

И великан понимает теперь,
что любовь великана
не упрятать в маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.

В папиной версии этого воспоминания я говорю:

– Это ты – великан с голубыми глазами.

– Куда уж мне, – отвечает он и уже представляет, как будет пересказывать эту историю своей жене – маме – за ужином, когда мы все сядем за стол, сестра с нами, и попробуем делать вид, что не было никакой ссоры. Папа даже заговаривает такой застольный комментарий: «Когда я говорю, что во мне сто семьдесят – преувеличиваю, да и глаза – серые».

А я помню другое. Помню, как обиделся на это стихотворение. От голода у меня начинает болеть живот. Но говорю я не про живот, а только про стихотворение. Не знаю, как это передать сейчас с помощью прямой речи. Ведь я описываю случай спустя двадцать восемь лет. Какие

слова я тогда подобрал? Но точно помню смысл. Я говорю ему, что не хочу, чтобы мама уходила к карлику. Не хочу, чтобы великан оставался одиноким. Всей своей жизнью докажу, что такого не будет.

Сейчас мне не нравится это стихотворение до боли в животе.

Но папа снимает меня с шеи, как-то очень удобно берет на руки, животом вниз, и одна ладошка намагничивается, оказывается на моем животе, прямо на самом больном месте. Тепло папиной ладони успокаивает боль, впитывает ее в себя, боль заглушается ощущением теплого.

– Стихотворение не об этом, – говорит он.

– О чем? – спрашиваю я.

Он недолго думает. Мы уже выходим из лесу. Его ладонь все еще на моем животе. И он говорит:

– О том, что надо вовремя ложиться и вовремя вставать. А если заболел животик, тихонько пукнуть.

На секунду я обижаюсь: он издевается надо мной. Но обида быстро проходит, и мне становится так хорошо, как будто это самые добрые слова, что я слышал в жизни.

– Пукнуть, – говорю я и смеюсь.

Четыре месяца разницы

1

Саша Логинов несколько секунд прислушивался и, когда убедился, что его родители ушли и закрыли дверь ключом, вдруг резко сказал:

– Брось ты эту херовину.

Он имел в виду конструктор, в который мы играли. Я как раз возился с деталями, как всегда мечтаю собрать автомобиль на колесах из того, что подвернется под руку. Но я сразу выпрямился от непозволительно резкого слова, – сам почти никогда еще не произносил таких, – освободил руки и послушно уложил их себе на колени.

Слушал.

– Ты уже знаешь про секс? – спросил Саша.

– Не знаю, – сказал я.

– Не знаешь, что такое трахаться?

У нас было четыре месяца разницы. Он был старше на четыре месяца, и это имело значение: он знал жизнь.

Саша устроился на ковре поудобнее и закатил глаза, будто это уже будет не первая попытка объяснить мне что-то простое и обязательное.

– Знаешь, что у девочек и твоей мамы здесь? – он ткнул себя между ног.

– Знаю. Пушок.

– Знаешь, зачем так?

– А-а-а, – протянул я, собираясь наскоро подобрать какое-либо объяснение.

Саша остановил меня движением руки. Он был смелее и взрослее меня. У них в квартире стоял еле уловимый запах гниения. Я как-то интуитивно угадывал, что запах этот можно связать с «неблагополучной семьей». (Когда я вырасту, такой запах всегда будет указывать мне на легкодоступный секс.)

Итак, его родители ушли, и Саша остался за старшего. Он рассказал мне, что такое секс. Что становится твердым и куда вставлять. И как потом появляются дети. Саша делил людей на две категории: у одних в жизни секс будет, у других – не будет. Потом он включил телевизор, и мы замерли. Затаили дыхание и слушали первую попавшуюся программу – новости на первом или что-то вроде этого.

– Сколько ждать? – спросил я шепотом через несколько минут.

– Не знаю, – ответил Саша, – может, они не заговорят. Но лучше подождать.

Мы еще немного послушали, но секса в новостях не было.

– Сегодня, значит, уже не будет, – сказал разочарованно Саша и выключил телевизор.

Но я почувствовал: со мной уже случилось что-то новое. Я был готов. Пока мы ждали каких-нибудь вестей о сексе из телевизора, со мной случилось неведанное мной возбуждение. У меня стало твердым что нужно. В свои шесть с половиной я узнал, что отношусь к тем людям, которые будут этим заниматься. Но Саше я пока не раскрылся.

Стеснялся.

– А ты такой? – спросил я. – Ты будешь или не будешь?

– Не знаю, – ответил он и добавил: – Я хочу.

Скоро его родители вернулись и отправили нас гулять. Мы немного погуляли и разошлись по домам.

2

Но моя жизнь изменилась. Теперь я собирал секс как мозаику и уже совсем скоро кое-что узнал.

У меня были более-менее внятные сведения:

– Это приятно.

– Даже девочки иногда хотят секса.

И какие-то совсем смутные и сложные, но явно относящиеся к делу сведения:

– Японцы спят голые.

– Секс нужен не только для того, чтобы родились дети. В нем нужно улучшать свой уровень, и тогда с тобой захочет быть любая девчонка.

– Секс – это проявление любви.

Я смотрел на своих сверстников, на детей старше, на подростков и взрослых людей и пытался угадать: у кого из них это было? Как они все выглядят голыми? Какой у них уровень? Какие движения надо делать и как предложить заняться сексом?

Когда я возвращался домой после гуляния – поднимаясь по лестнице с первого на второй этаж, – если никого не было в подъезде, я приспускал штаны, и сквозняк приятно щекотал мою попу и мошонку. Я стучал в дверь своей квартиры со спущенными штанами, и только когда слышал звук открывавшегося замка, резко натягивал их. Мама пропускала меня в квартиру и закрывала за мной дверь.

Она ничего не знала. Я снимал куртку, шапку и варежки, пылая от мороза и своей новой тайны, и обнимал маму. Внешне я был тем же ее любимым сыном.

Один раз я попробовал подсмотреть за мамой, когда она мылась. Сестра еще гуляла вечером, а папа тогда уже не жил с нами. И вот мама пошла мыться, я выждал несколько минут для конспирации и встал в коридоре напротив ванной. Сначала я попробовал поглядеть в щель со стороны дверной ручки – и ничего не увидел, только кусок полотенца, висящего на крючке, приклеенном к стене. Тогда посмотрел в другую щель – со стороны петель. И очень хорошо все увидел. Мама стояла в ванной, поливала себя из душа, животом ко мне. И в узкую щель как раз попадал самый важный отрезок вселенной, вмещавший в себя пространство от маминых колен до плеч по высоте, а по ширине – ее бедра, талию и грудь. Я смотрел несколько минут, возбужденный, пока голова не закружилась.

Я сидел в комнате, когда она вышла. Почему-то я был уверен, что мама обо всем догадается, и мне несдобровать. Но она не догадалась.

Так я стал подглядывать за мамой и за сестрой. За сестрой смотреть мне все-таки нравилось больше – мама казалась немного староватой – ей было тридцать четыре года. Сестре же было двенадцать с половиной. Я не любил злую сестру и считал ее некрасивой – но ее головы не было видно в щель. А то, что я видел, – мне очень нравилось. Я всегда стоял совсем недолго – пару минут – и со мной случалось новое возбуждение – еще минуту-две – у меня кружилась голова – и я отваливал. Головокружение плюс боязнь разоблачения плюс чувство вины. Каждый раз я клялся себе, что больше не буду так делать, и всегда нарушал клятву.

Что и говорить, я все время был на взводе.

3

Был май. Как-то в детсадовский выходной мы с Сашей лазили внутри строящегося дома. Потом легли на третьем этаже – там был пол, весь каркас будущей пятиэтажки, но еще не было стен. Мы легли плечом к плечу так, чтобы только наши головы торчали над высотой, и плевались вниз, на дорогу. Плевки никогда не были моей сильной стороной. Поэтому мне

быстро надоело, и, пока Саша плевал, я просто смотрел по сторонам. Меня привлекли две девочки, которые сидели в укромном местечке неподалеку от нас. Нашего возраста или даже младше. Они разговаривали, потом одна из них спустила трусы и начала писать, продолжая говорить с подругой.

– Смотри, – я толкнул Сашу.

Мы замерли. Девочка пописала. Посидела секунду со спущенными трусами и вдруг, вместо того чтобы трусы натянуть, еще и юбку задрала. Опустилась на четвереньки и давай ползать среди лопухов с голым задом. А вторая смеется. И вдруг тоже стянула трусы и тоже оголила попу. Они поползали немного, потом натянули трусы и пошли по своим – не знаю – обычным делам.

Мы с Сашей посмотрели друг на друга.

Он только пожал плечами. Тоже не понял, что все это значило. Одно я знал наверняка: то, что мы видели, имело отношение к сексу. Наверное, они чувствовали то же самое – приятное, что чувствовал я, спуская штаны в подъезде, когда сквозняк щекотал мои попу и мошонку.

4

Раз мы опять сидели у Саши вдвоем, и я рассказал ему все. Выложил все новое, что я узнал о сексе, рассказал, что подглядываю за мамой и сестрой, как проветриваю письку, что тоже мечтаю, когда вырасту, спать голым, как это принято у японцев. Не выдержал и все ему рассказал.

И тогда Саша строго сказал мне:

– Слишком много секса нельзя.

Я не понял и немного испугался.

– Ты уже знаешь про спид? – спросил Саша.

Я никогда раньше о таком не слышал. И тогда он мне рассказал. Саше уже было семь лет. Я опять чувствовал еле слышный запах гниения, запах неблагополучия в его квартире, пока он рассказывал о спиде. (Когда я вырасту, этот запах всегда будет заставлять меня внутренне съезживаться и испытывать страх заражения, бояться и отказываться от легкодоступного секса.)

Нельзя много думать о сексе и много заниматься им – вот что сказал Саша. Иначе заболеешь спидом. А спид – это как рак, даже еще хуже.

– Например, дяхон трахает тетю два часа, – сказал Саша, – и у нее течет кровь. Она заболевает спидом от потери крови, а он – потому что ему на писюн падает чужая кровь.

«Потеря крови» – страшное выражение. Спид, рак – страшные слова. О раке я имел очень смутное представление, но очень боялся его. Знал, что есть такая болезнь, но не знал, как ею болеют. У меня были опасения, что я сам обязательно заболею раком – потому что я рак по гороскопу. И теперь я решил, что еще и заболею спидом, раз это болезнь типа рака.

Я не на шутку перепугался.

А Саша сказал, что нужно пить мочу.

– Нужно иногда пить ссаки, – сказал он, – от них у человека становится очень хорошее здоровье.

5

Сначала я как-то не придавал значения этой грязной теории про целебную мочу. Жил себе дальше, просто теперь помимо прочего очень боялся спида. Но Саша через неделю снова вернулся к идее выпить мочи, когда мы возвращались домой из детского сада. Мы жили близко – и уже с пяти лет возвращались домой самостоятельно, а тем более сейчас, в последние дни перед выпуском из подготовительной группы – мы были уже совсем взрослые. И вот, мы идем

домой, а Саша просит меня взять дома стакан, пропажу которого не заметит мама. Брать стакан и вечером выходить к условленному месту.

Дома мне на глаза попаласть пластмассовая головоломка. Головоломка вроде кубика Рубика, только в форме морковки, сама черная с подставкой, а тело ее было усеяно вращающимися разноцветными секциями. А упакована она как раз была в пластмассовый стакан. Чтобы вот: собрал эту морковку Рубика, поставил на стол и сверху надел на нее пластмассовый стакан, и любуешься собранной головоломкой через пластмассовое стекло. У нас дома никто не умел ее собирать, и пропажи бы никто не заметил.

Поэтому я взял с собой головоломку и пошел в условленное место. К моему удивлению, Саша пришел не один. С ним был какой-то низкий толстоватый мальчик.

– Это тоже Саня, – сказал Саша, – он с нами.

Я немного нервничал из-за того, что он привел этого парня. Интуиция мне подсказывала, что это еще один Сашин младший друг. Значит, я был не единственным Сашиним другом и последователем.

Мы спрятались в кустах за трансформаторной будкой. Я достал головоломку.

– Что это? – спросил Саша.

– Нашел стакан, – сказал я.

Саша снял стакан и придирчиво оглядел.

– Пойдет, – сказал, а саму головоломку вдруг резко запульнул куда-то в сторону.

– Будешь первый? – спросил Саша у меня.

Я покачал головой. Саня-карапуз нерешительно молчал. Саша нассал в стакан и пригубил. Вылил остатки мочи и протянул стакан мне. Я не брал. Стакан взял карапуз. Он проделал все, что требовалось, немного поморщился, вылил остатки. Теперь была моя очередь.

Я взял стакан, вылез из кустов, набрал в стакан воды в ближайшей луже, ополоснул его и вернулся в убежище.

Меня ждали. Я выдавил из себя немного мочи и поднял стакан к свету. Желтые пенистые саки выглядели вполне безобидно и даже были похожи на газированный напиток.

– Не хочу, – сказал я, вылил мочу и запустил стакан в ту сторону, куда Саша три минуты назад пульнул головоломку.

Саша смотрел на меня с сожалением.

Я выбрался из убежища и рванул домой. Конечно, меня никто не преследовал, но я старался бежать быстро и не оглядываться.

6

Потом было лето, и мне исполнилось семь лет. Я проводил много времени на даче у бабушки с дедушкой, там уединялся на втором этаже и учился извлекать из своего тела приятные ощущения.

Еще я взбирался на длинную подушку от дивана и елозил на ней – «трахал». Если я занимался такими вещами слишком много, то голова сильно кружилась, а иногда меня даже начинало тошнить. Я стал совсем бледным, и взрослые говорили, что у меня малокровие. Но я-то был уверен, что это спид.

А потом я вернулся домой, и мы пошли в первый класс. Саша попал в класс «А» – для самых умных детей. Я в класс «Б» – для обычных, неумных и неглупых. Меня тоже хотели взять в класс «А», потому что я считал лучше всех детей в детском саду и даже лучше всех воспитателей, знал умножение и деление и хорошо рисовал. Но я не умел читать. Многие дети прочли уже по одной книге, некоторые по две или три, Саша прочел уже несколько книжек. А я еле-еле складывал слоги в слова, голова моя болела от чтения, и я сразу уставал. Вот я и попал в класс «Б».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.